

В. Никульцева

Московский финансово-юридический университет

**М. Кузмин в поэтической оценке
Игоря-Северянина**

*Дорогому Евгению Поклитару,
солисту балета МАМТ
им. К. С. Станиславского
и В. И. Немировича-Данченко,
посвящается*

В современном литературоведении содержатся неполные сведения о творческих контактах Игоря-Северянина¹ и Михаила Кузмина. Известно, что в 1914 году оба поэта являлись сотрудниками петроградского журнала «Златоцвет». 25 января 1915 года они выступили на поэтическом вечере «Писатели — воину» в Александровском зале Городской думы Петрограда.² Сбор средств производился в пользу Лазарета Союза деятелей искусства. Неоднократно посещая подвал «Бродячая собака» (1912–1915), Игорь-Северянин мог наблюдать за акмеистами и выступлениями Кузмина, в частности.

Большинство лингвистических работ посвящено сравнительному изучению идиостилей поэтов в контексте поэзии Серебряного века. Так, отмечается сходство композиционных приемов при построении лирического цикла,³ общие особенности в формировании ядра поэтических лексиконов,⁴ образная система,⁵ темы и мотивы.⁶ Проанализирован ряд стихотворений, посвященных Кузмину,⁷ его современникам О. Глебовой-Судейкиной⁸ и С. Судейкину,⁹ приводится сравнительный анализ авторских словарей.¹⁰

Оценка личности и творчества Кузмина встречается в таких произведениях Игоря-Северянина, как «Бродячая собака» (1915), «Пять поэтов» (1918), «Газзла VIII» (1919), «Рояль Леандра» (1925), «Кузмин» (1926), в предисловии к книге «Rannit Aleksis. Via dolorosa» (1940).

Резко отрицательной оценкой характеризуется Кузмин в стихотворении «Бродячая собака». Стилистически сниженное звучание текста связано с тем, что автор намеренно погружает читателя в атмосферу гомосексуальной среды путём применения ряда стилистических приёмов: перифрастического оборота (*их старший*), иронии («цвет литературы», «свои», «надежда» *выцветших писак*, «брак», «люди», «сморчки», «талантливы», *богема*), паронимической аттракции (*бездушье души*), оксюморона (*талант без души*), антитезы (*скопец*, *развратник*, *женофоб*), окказионализмов (*глаза подведены кокотно* ^{*11} — ‘как у кокотки; в стиле кокотки, под кокотку’, *алоротно* * ‘улыбаясь алым ртом’ (*смотрят лица*), *умилье* * ‘умильное выражение (лица, глаз)’, *поэзовальс* * ‘вальс из поэз, стихотворений’, *зло-недвуслысленный* * ‘злой и недвуслысленный, понятный всем’ (*маразм*), *гнилокровье* ‘болезнь, от которой кровь становится гнилой; здесь: сифилис’, *современец* * ‘современный человек; современник’):

И кто же эти, с виду дети,
А по походкам — старички?
Их старший книжку издал «Сети»,
А эти — альманах... «Сморчки»!
Глаза подведены кокотно,
Их лица смотрят алоротно,
И чёлки на округлых лбах
Внушают дамам полустрах...
О, сколько ласки и умилий
В глазах, смотрящих на *своих*!..
От них я очищаю стих
И, избегая их фамилий,
Уж превращённых в имена,
Оставлю им их времена!..

Всё это «цвет литературы»,
«Надежда» выцветших писак,
Готовых пригласить на туры
Поэзовальса этот «брак»,
Дабы помодничать прекрасным
Зло-недвуслысленным маразмом,
Себя их кровью обновить...

Но тут легко переборщить
И гнилокровьем заразиться...
Нет, в самом деле, чёрт возьми,
Какими полон свет «людьми»!
Я не могу не возмутиться
И поощрителям «сморчков»
Бросаю молнии зрачков!
<...>
Ни возмутит, ни зачарует
Скопец, развратник, женофоб.
<...>
Однако ж, чем живет богема?
Какая новая поэма
Бездушье душ объединит?¹²

В характеристике Кузмина из стихотворения «Пять поэтов», где речь идёт о Г. Иванове, А. Белом, И. Бунине, М. Кузмине, Н. Гумилёве, снова присутствуют окказионализмы, которым отводится основная роль в формировании пейоративной оценки и эмоциональной окраски: *отвратно-пряный** ‘отвратительный, сальный; солёный, пошлый’, *рокфорно** ‘как сорт сыра «рокфор»»; гнило, рыхло, пряно’, *камамберно** ‘изысканно, утончённо’, *жеманно-спецно** ‘принимая жеманные куртуазные позы, будто приправленные специями; здесь: эротично, но жеманно’:

Кузмин изломан чрезмерно,
Напыщен и отвратно-прян.
Рокфорно, а не камамберно,
Жеманно-спецно обуян.
(319)

С 1919 года отношение Игоря-Северянина к Кузмину меняется в лучшую сторону: ему как смелому версификатору отдаётся должное в «Газэлле VIII»:

Так что же так мало поэты у нас газэлл написали?!
Ведь только Кузмин был восторженно-смел с изыском Саади...
(217)

О книге Кузмина «Сети» (1908) Игорь-Северянин вспоминает не только в «Бродячей собаке» (1915), но и в поэме (романе в стихах) «Рояль Леандра»:

И на квартире Кульбина
Трепещут «Сети» Кузмина...¹³

Указание на стихотворение Кузмина «Нас было четыре сетры...» из книги «Сети» встречается и в предисловии к сборнику переводов стихотворений Алексиса Раннита «Via Dolorosa»:

«А я любила, потому что полюбила» — говорит девушка у Кузмина.¹⁴

Помимо «Сетей», упоминает Игорь-Северянин и о других книгах поэта-акмеиста («Глиняные голубки», «Осенние озёра») — в виде аллюзий, метафор и перифраз в сонете «Кузмин»:

Запутавшись в эстетности сетях,
Не без удач выкидывал коленца,
А у него была душа младенца,
Что в глиняных зачала голубках.
.....
Не оттого ль, что у него, позёра,
Грустят глаза — осенние озёра...
(383)

До сих пор это произведение не был предметом лингвостилистического анализа. Фрагментарные обращения к сонету в творчестве Игоря-Северянина отмечены в трудах В. А. Кошелева,¹⁵ С. Н. Пяткина,¹⁶ А. В. Гик, М. Д. Левиной¹⁷ и других исследователей.

Сонет «Кузмин» строится по традиционной схеме путём соединения двух катренов с двумя терцетами. Композиционно он представлен семантическим кольцом: оценка творчества современника сопряжена с физическим и психологическим портретом (1-й катрен и 2-й терцет), включающим в себя детали психологической зарисовки (2-й катрен и 1-й терцет).

Сложность и противоречивость личности Кузмина отражается в балансе оценочных средств, применяемых Игорем-Северянином: пейоративная семантика характеризует такие словоформы, как *плоскость* ('пошлость'), *хроническая инфлуэнца*, *вырожденец*, *страсть к отрокам* ('мужеложство'), *запутавшись в сетях* ('впав в противоречия'), *выкидывать коленца* ('неодобр.: совершать, продельывать что-либо неожиданное, необычное, несуразное', *зачала*, *жалобен*, *жалок*, *пошлые* ('традиционные, неоригинальные') *розы*,

позёр, блудный ('впавший в блуд'); мелиоративная оценка присуща лексическим единицам *утонченный* ('изящный, мастерский'), *взлеянный, мечта, эстетность** ('свойство эстетичного; эстетика, красота'), *удача, младенец, жалостливый, аромат, волновать, грустить, божий*.

Лексика стихотворения создаёт девять семантических полей: «творчество» (*душа; пошлый, плоскость, позёр, стихи; глиняные голубки, осенние озёра, сети, розы*), «воображение» (*взлеянный, мечты, очертанья*), «наслаждение» (*утонченный, эстетность*, волновать, удача, страсть*), «страдание» (*жалобный, жалостливый, жалкий, грустить*), «болезнь» (*инфлуэнца, вырожденец, зачахнуть*), «грех» (*страсть к отрокам, блудный, божий брат*), «время» (*хронический, осенний, отрок, младенец*), «цветок» (*фиалка, роза, аромат*), «человек» (*лицо, глаза, младенец, отрок, брат*). Таким образом, семантика текста связана с неоднозначным отношением автора произведения к Кузмину как творческой личности и как человеку.

На морфологическом уровне выстраивается монолитная статическая конструкция с явным преобладанием имён и местоимений над глагольными формами (34 и 8, т. е. в соотношении 4:1). Из имён автор отдаёт предпочтение существительным (23 словоупотребления), среди которых большинство конкретных (*лицо, отрок, мечта, сеть, младенец, голубок, фиалка, озеро* и т. д.); местоимения и прилагательные применяются в равных долях — 1:1 (9 и 9 соответственно). Из местоимённых слов превалирует личное местоимение *он*, не вступающее в корреляции с другими прономинативами. Входя в ядро ключевых слов текста (*Кузмин, он, душа, мечта, страсть, отрок, блудный, божий*), оно создаёт мотив одиночества и эгоцентризма творческой личности. Среди глагольных слов (8 случаев употребления) основное место отводится глаголам (*быть, зачахнуть, волновать, грустить; вербальный фразеологизм выкидывать коленца*); причастия и деепричастия же употребляются единично (*утонченный, взлеянный; запутавшись*). Именные конструкции не отличаются многообразием: на фоне номинатива и генитива, введённого в сочетании с предлогами *от, до, у, без*, внимание читателя приковывают обороты, построенные по схеме «предлог в + П. п.»: *в стихах, в лице, в мечтах, в сетях, в голубках*.

Во всём тексте морфологическое время совпадает с синтаксическим: 1-й катрен (нулевая связка), 1-й и 2-й терцеты (нулевая связка, глагольные формы *волнует, грустят*) — настоящее, 2-й катрен — прошедшее (*выкидывал колена, была, зачахла*). Преобладание форм настоящего времени мотивировано выбором жанра — сонета-«зарисовки», «медальона», портретной характеристики, — для которого характерно ретроспективно-расширенное представление о жизненном пути описываемой творческой личности.

В свою очередь, возникновение в тексте 3-го синтаксического лица детерминировано выбором глагольных и именных форм 3-го морфологического лица и личного местоимения *он* в двусоставных конструкциях, а также ролью имени существительного в составе номинативных предложений 1-го катрена.

Синтаксическая модальность меняется от реальной (оба катрена и 9-й стих) к ирреальной (финальные стихи обоих терцетов) за счёт перехода от повествовательной интонации к вопросительной в конце стихотворения, чему также способствует введение сложноподчинённой конструкции с причинно-следственными связями:

Не оттого ль, что у него, позёра,
Грустят глаза — осенние озёра, —
Что он, — и блудный, — всё же божий брат?..
(383)

Синтаксис текста весьма разнообразен. Простые повествовательные невосклицательные предложения 1-го катрена сменяются усложнёнными конструкциями: во 2-м катрене — сложным предложением с сочинением (противительными отношениями) и подчинением (определятельными отношениями) при доминировании сочинительной связи (ведущим средством связи выступает союз *а* и семантика и порядок следования предикативных частей); в 1-м терцете — сочетанием повествовательного и вопросительного простых предложений, вступающих в противительные отношения (*Но отчего...*); во 2-м терцете — сложноподчинённым предложением с однородным подчинением двух предикативных частей, каждая из которых осложняется обособленными приложениями (*у него, позёра, грустят глаза — осенние озёра*) либо определением (*он, — и блудный, — всё же божий брат*). В создании семантики противопостав-

ления участвует синтаксический параллелизм (*Но отчего... волнует аромат?.. Не оттого ль...*) и неполнота структурно-семантической части текста, образующей заключительный терцет.

Синтаксические особенности сонета определяют и выбор интонационных средств: повествовательная, спокойная тональность катренов противопоставлена эмоционально напряжённому звучанию терцетов, что влияет на диаметрально противоположные композиционные части и зеркальность музыкального рисунка текста. Восходяще-нисходящая интонация обоих катренов уступает место напряжённости звучания терцетов с превалированием восходящей интонации.

Пунктуация текста в целом не противоречит современным правилам. Среди пунктуационных отклонений от нормы отмечается присутствие эмоционально-ритмического тире в 1-м и 2-м стихах (*В утонченных до плоскости стихах — / Как бы хроническая инфлуэнца*), отсутствующего в сходноструктурном 3-м стихе, а также избыточной запятой при обособлении согласованного определения *блудный* в 14-м стихе (в 13-м стихе приложение *осенние озёра* аналогично обособлено за счёт опоясывающего тире, а запятая указывает на водораздел предикативных частей).

Сонет написан 5-стопным ямбом с пиррихиями и спондеями по классической форме $AbbA \parallel AbbA \parallel cсD \parallel eeD$. Рифма мужская и женская, идеальная, без единой неточности. Точность формы и гармония стиха зеркально отражается в звукописи: на фоне вокальных и консонантных акцентов (*Что в глиняных зачахла голубках; Он жалобен, он жалостлив и жалою; Не оттого ль, что у него, позёра; Что он, — и блудный, — всё же божий брат?..* и др.) лейтмотивом проходит ассонанс на [о] и [а] (15 и 17 звукоупотреблений соответственно).

Палитра стилистических средств, применяемых Игорем-Северянином в процессе создания образа Кузмина, довольно разнообразна — от семантического контраста и структурного параллелизма до разрушения метафоры и дефразеологизации. Про наличие семантического кольца, композиционной гармонии, идеальной сонетной формы и стройной архитектоники текста, звуковых и смысловых контрастов, баланса фонетических, лексических и семантических средств было уже отмечено выше. Все эти приёмы оттеняются применением традиционных для поэтики Игоря-Северянина изобрази-

тельно-выразительных средств: метафор, аллюзий, паронимической аттракции, иронии, анафоры, инверсии и т. д.

Стройность формы терцетов зиждется на таких фигурах, как анафора (9-й стих), инверсия (5-й, 7-й, 8-й, 11-й стихи) и риторический вопрос (заключительные 3 стиха). Характерной чертой северянинской поэтики является синкретизм тропов и фигур. На анафору накладывается паронимическая аттракция (*Он жалобен, он жалостлив и жалок*), спровоцированная аллитеративно-ассонансными повторами; в состав риторического вопроса входит перифраза и аллюзия (*грустят глаза — осенние озёра*), а в состав развёрнутой метафоры — аллюзия (*запутавшись в эстетности сетях; душа младенца, что в глиняных зачахла голубках*). В последней аллюзии Игорь-Северянин намеренно меняет ударение, повлёкшее за собой гендерные трансформации: кузьминские «*Глиняные голУбки*» превращаются в *глиняных голубков*. Среди аллюзий (названия книг Кузьмина: «Сети» (1908), «Осенние озёра» (1912), «Глиняные голубки» (1914) и др.) встречаются и указания на доминантные образы поэзии — *розы и фиалки*.

Не обходится Игорь-Северянин без излюбленной иронии: *страсть к отрокам взлелеяна в мечтах; не без удач выкидывал колена; в утонченных до плоскости стихах — как бы хроническая инфлуэнца*. Последний пример представляет собой образец разрушения метафоры: *утончённые* ('изысканные, эстетичные') *стихи* превращаются в северянинском прочтении в *утонченные до плоскости* ('плоские, пошлые'); ср. выше отмеченное превращение: *голУбки в голубкиИ*.

К традиционным приёмам северянинской поэтики относится и окказиональная фразеология, частной разновидность которой является дефразеологизация (разложение формы фразеологической единицы при сохранении её значения) и контаминация (структурное совмещение нескольких фразеологизмов при сохранении / изменении лексического значения исходных оборотов). Так, оборот *взлелеять мечту* трансформирован в *взлелеять в мечтах* ('горячо захотеть чего-л.'); *выкидывать колена / колена* — в *выкидывать колена* ('совершать, проделывать что-либо неожиданное, необычное, несуразное'). Фразеологическое сочетание *душа зачахла* ('умереть, захиреть (о душе)') трансформировано в *зачахнуть в голубках* с пейора-

тивной оценкой творчества Кузмина (т. е. в зародыше оно неверно). За счёт контаминации *блудный сын / божий человек* происходит соединение значений ‘порочный, предающийся блуду’ (т. е. мужеложству), ‘не подчиняющийся воле родителей, коллектива и т. д.’ (т. е. эпатирующий общественность), ‘юродивый’ (т. е. ненормальный), ‘святой’ (т. е. талантливый, необыкновенный).

Итак, поэтическая оценка личности и творчества Кузмина меняется Игорем-Северянином на протяжении двадцати пяти лет жизни (с 1915 по 1940). Осуждая его за гомосексуальные наклонности, манерность и высокомерие, автор признаёт в поэте-современнике утончённый эстетизм, «уайльдизм», глубокий психологизм, виртуозность в области строфики, метрики и поэтики.

В сонете «Кузмин» создаётся противоречивый образ неординарной творческой личности, запутавшейся «в эстетности сетях», человека, прощённого автором за грехи, истинно «своего» среди «братьев и сестёр» — выдающихся поэтов, современников Игоря-Северянина.

¹ О выборе дефисного написания псевдонима поэта см.: *Никульцева В. В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. В 2 т. М., 2004; *Никульцева В. В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. проф. В. В. Лопатина. М., 2008. С. 5; *Никульцева В. В.* История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98.

² Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание. В 2 т. Т. 1 / Сост. Д. С. Прокофьев. Псков, 2007. С. 122.

³ См.: *Капустина Ю. А.* Композиционная рамка как принцип циклизации в лирике Серебряного века: Диссертация... уч. степ. кандидата филол. наук. Вологда, 2018; *Капустина Ю. А.* Композиционная рамка как элемент структурной организации лирического цикла Серебряного века (на материале произведений М. Кузмина и И. Северянина) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10. Часть 6. С. 55–57.

⁴ См.: *Климак Р. И.* Общие особенности в формировании ядра поэтических лексиконов поэтов Серебряного века (З. Гиппиус, М. Кузмин, Н. Клюев, В. Хлебников, И. Северянин) // Идиолект. 2001. № 2. С. 41–43; *Климак Р. И.* Сопоставительный анализ актуализированных лексиконов поэтов Серебряного века (З. Гиппиус, М. Кузмин, Н. Клюев, В. Хлебников, И. Северянин): Диссертация... уч. степ. кандидата филол. наук. Орёл, 2002; *Марголис Я. М.* Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.

⁵ См.: *Солнцева Н. М.* Репутация Арлекина // Stephanos. 2014. №2 (4). С. 42–64; *Смирнова А. И.* Природные константы в лирике Серебряного века // Природные стихии в русской словесности: Сб. науч. статей. М., 2015. С. 123–134; *Болдырева Е. М.*

Образ Пушкина в лирике М. Кузмина и И. Северянина // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2017. С. 82–86. *Сичинава В. В., Локалохина А. М.* Языковое представление образа оливо в творчестве поэтов начала XX века // Булатовские чтения. 2020. Т. 7. С. 93–95; *Контелова Н. Г.* Интерпретация образа сада в поэтическом сборнике Г. В. Иванова «Отплытие на о. Цитеру» (1911) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 73–80.

⁶ См.: *Орлицкий Ю. Б.* «Персидские» мотивы в контексте ориентализма русского Серебряного века // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. научных статей. М.-Константиново-Рязань, 2018. С. 402–421; *Шестакова Л. Л.* «Он — Пушкин, и бессмертен он!»: Образ Пушкина в строках поэтов Серебряного века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. № 1. С. 97–102.

⁷ См.: *Гук А. В.* Стихотворения-посвящения как зеркало поэтики М. Кузмина // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 56. С. 19–22.

⁸ См.: *Никульцева В. В.* «Лица, которого бесчертны неуловимые черты...» (Образ О. А. Глебовой-Судейкиной в творчестве Игоря-Северянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: Материалы международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100–114; *Никульцева В. В.* Образ О. А. Глебовой-Судейкиной в зарубежном творчестве Игоря-Северянина (Поэтическая эпитафия «Голосистая могила») // Литературное зарубежье как культурный феномен: Сб. науч. статей. М., 2017. С. 30–37; *Никульцева В. В.* «Смотреть в глаза твои русалчьи...» (Образ О. А. Глебовой-Судейкиной в дореволюционном творчестве Игоря-Северянина) // *Studia Rossica Gedanensia*. 2017. № 4. С. 93–103.

⁹ См.: *Хорошавина Т. В.* Художники «Мира искусства» и русская лирика Серебряного века: интермедialное взаимодействие // Интерактивные и интегративные методы современной филологии: Материалы Международной научной конференции. М., 2017. С. 92–100.

¹⁰ См.: *Шестакова Л. Л.* Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

¹¹ Знаком * даётся указание на авторский неологизм. Здесь и далее толкование индивидуально-авторских слов приводится по: *Никульцева В. В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина.

¹² *Северянин И. (Игорь-Северянин)*. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., авт. предисл. и коммент. Е. Филькина. М., 1999. С. 205. Далее по тексту ссылки на это издание с указанием страницы в скобках.

¹³ Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941). Т. 1. С. 123.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Кошелев В. А.* «Медальоны» Игоря-Северянина: сонет как жанр литературной критики // «Согреет всех моё бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX–XX вв.: Сб. науч. ст. Череповец, 2017. С. 63–72.

¹⁶ *Пяткин С. Н.* Сергей Есенин в творческом сознании Игоря-Северянина // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 183–197.

¹⁷ *Левина М. Д.* Поэтическая «родословная» И. Северянина в сборнике «Медальоны» // «Пой, Менестрель! Тебе подвластно всё!...»: Игорь Северянин и культура Серебряного века: Сб. науч. статей. Череповец, 2022. С. 43–55.